

Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике

Марина Кукарцева
Зара Валиева

Память и история – величины времени как внутреннего, так и внешнего*. Память элементарна и универсальна, именно она наиболее важный механизм, конституирующий политическую историю через ментальные процедуры соединения прошлого, настоящего и будущего так, чтобы сформировался связный

континуум этих темпоральных паттернов. Фундаментальная гипотеза такой связности – конструктивизм, согласно которому история делается людьми в настоящем в зависимости от их осознания прошлого, т.е. в зависимости от того, как они конфигурируют и интерпретируют факты прошлого. История тогда понимает-

---

КУКАРЦЕВА Марина Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* mkukartseva@gmail.com

ВАЛИЕВА Зара Эдуардовна – 3-й секретарь посольства Республики Южная Осетия в России, аспирант Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* 7810700@mail.ru

Ключевые слова: нарратив, историческая память, этнополитика, сербско-косовский нарратив, осетино-грузинский нарратив.

* В исследованиях М.Хальбвакса, П.Нора, П.Рикера и др. историческая память фигурирует как коллективная или культурная память. Недавно в России рабочая группа по исторической политике Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека инициировала работу семинара «Историческая память: XX век». 20 июня 2012 г. состоялось его второе заседание. Основная тема – «Топонимика: историческая память и пропаганда». Докладчики – Я.Зб.Рачинский (общество «Мемориал»), С.В. Чапнин (редактор православного журнала «Московская Патриархия»).

ся как «конструкция» или даже как «изобретение» историков*.

Проблема, однако, заключается в том, что историческая память по сути своей способна акцентировать исключительно наше прошлое, в этом и есть память как набора информации об уже обретенном опыте как коллективном, так и индивидуальном. Но человеческая память (индивидуальная или коллективная) не всегда способна отделить прошлое от прошедшего. А ведь история всегда больше, чем просто прошлое. Как темпоральная цепь событий она реальна и одновременно идеальна, символична, подобно интерпретации, которая производит «новое значение» в целях коррекции старых и формирования новых ориентиров культуры в контексте неизбежного изменения социальных норм, ценностей и пр.

Иными словами, прошлое становится историей тогда, когда оно не

просто сохраняет значение в настоящем, но и воздействует на формирование контуров будущего. С этой точки зрения историческая память, как одна из главных составляющих основ истории, обнаруживает свою недостаточность. Возникает необходимость дополнить знание, сформированное на основе памяти, более сильными аргументами. Их можно найти не только традиционными методами, например в ходе археологических или источниковедческих изысканий, но и в исторической культуре, изучении устного творчества народов и его более современной формы – свидетельств очевидцев.

А вот последняя (в числе многого другого) основана именно на разного рода нарративах**.

Формулируя нарративы, оформляя в них факты и события, воплощая жизнь в выгодном для нас (для политических или бизнес-лидеров)

---

* Эта гипотеза доминировала в историописании второй половины XX в., но она часто не принимает во внимание тот факт, что исторические конструкции основаны не только на реальных фактах, но и на фикциях. Работа историка детерминирована его собственными обстоятельствами, которые, в свою очередь, есть результат прошлого. Это прошлое оказывает влияние на ментальные установки того, кто соотносит себя с ним, и поэтому становится важна не только итоговая конструкция, но и весь процесс конструирования в целом. История в истинном ее смысле есть синтез факта и фикции, где факт есть свидетельство и информация для формирования фикции. Эпистемология исторического исследования XXI в. отменяет слепое следование принципам реализма или конструктивизма, эмпирического свидетельства или *poesis* истории, и требует принимать их в синтезе.

** Если в тексте перечисляются вещи, их свойства и отношения, то этот вид текста называется *описанием*. Если в тексте перечисляются события, имеющие временную структуру (прошлое, настоящее и будущее), сюжет, то этот вид текста называется *повествованием* или *нарративом*.

Нарратив имеет четырехчленную матрицу: *дескрипция* некоего аспекта реальности, его объяснение, аргументированность или обоснованность предложенного вывода, интерпретация фрагмента реальности. Иногда на первый план выдвигается объяснение, иногда дескрипция, иногда задача аргументации и обоснования, которыми автор повествования стремится разъяснить, каким образом он узнал то, что он утверждает в нарративе, а иногда выдвигается и задача интерпретации, с помощью которой он размышляет о значении описываемого в нарративе события.

повествовании, мы расширяем свои возможности воздействия на людей.

На уровне индивидуального сознания задача нарратива – позиционирование себя как вневременного субъекта оценки, которому свойственны простые человеческие слабости, включая известные психологические механизмы вытеснения негативного опыта, т.е. некая герменевтика личного опыта. Нарративы и коллективного, и индивидуально-восприятия имеют общие корни, поскольку осмысливаются в категориях упорядочения объекта повествования, решения приоритетных задач, определения мотивов изложения последовательности событий и, наконец, ответственности за результат такого изложения.

Нарратив – инструмент связности и придания смысла, располагающийся за пределом юридических понятий суверенитета и независимости наций.

Н.Партнер обращает внимание на то, что с одной стороны, нарратив – термин постмодернизма, наполненный субъективностью и относительностью, а с другой – связь нарратива с сознанием, бессознательным, с его установками, давно стала предметом исследований в психологии и психоанализе¹.

О значении «психологического нарратива» в конструировании и защите персональной идентичности, о том, что люди обычно излагают свою жизнь в нарративе или в некотором рассказе о себе, писали Й.Брёйер и З.Фрейд,

Г.Стросон, Э.Гидденс, Д.Макадамс и многие другие².

Эта идея стала «бродячим сюжетом» во многих дисциплинах: в литературоведении, религиоведении, психологии, антропологии, социологии, философии и политологии.

Все социально-гуманитарные дисциплины едины в том, что нарративы – психосоциальны.

История жизни, рассказанная тем, кто ее прожил, обуславливается его культурой.

Такое изложение событий воспроизводит как минимум мироощущения героя нарратива, как максимум аргументирует интеллектуальную позицию или систему его убеждений, тем самым превращая эту позицию и эту систему информации в некий политический акт. Если нарративы еще несут и бремя национальной или этнической идентичности, то в них всегда существуют *конфликтующие темпоральные параллели*, с необходимой отсылкой к исторической памяти.

П. Рикер в работе «Время и нарратив» подробно описал, как именно это происходит, каким образом исторические события становятся источниками консолидации этнической солидарности и идентичности через коммеморацию*, через проявление недоверия одного этноса к другому.

После холодной войны сформировалось множество конфликтующих между собой нарративов, в которых различные действующие лица по-разному расставляли акценты в опи-

---

* Коммеморация – поминовение усопших, ритуалы памяти могут иметь религиозный характер, например, в римско-католической церкви существует День поминовения, в православии – Радоница, а могут быть и светскими, например, в Германии 1 ноября – День поминовения всех погибших немецких солдат на всех когда-либо проводимых Германией войнах.

сании разворачивавшихся перед ними исторических конфликтов.

Например, славяно-албанский (сербско-косоварский), арабо-израильский (палестинско-израильский), ирако-иранский (не в последнюю очередь суннитско-шиитский), нарратив континентального Китая и Тайваня, китайско-тибетский, чечено-русский (в том числе и политический нарратив сепаратисткой Чечни и федеральной власти России), армяно-азербайджанский, киргизо-узбекский, англо-ирландский (где ядро – католико-протестантское противостояние), грузино-южноосетинский, грузино-абхазский и многие другие.

В этих нарративах среди много другого нашла свое выражение и историческая память, и культура народов.

Например, в 2000 г. стартовал международный проект историков в рамках *Scholar's Initiative (SI)*, инициированный проф. Ч.Инграо³. Семь групп историков, примерно по 260 чел., писали нарративы о событиях в Косово с разных точек зрения*.

Идея заключалась в создании единого мастер-нарратива под названием «Объясняя югославскую катастрофу: в поисках общего нарратива» – прозрачного, бесстрастного, хроно-

политического, логически артикулированного, связного и всеобъемлющего, на примере событий в Косово и Метохии, не касаясь обстоятельств войн в Хорватии и Боснии. Проблема, с которой столкнулись все фокусные группы, заключалась в том, что никто не смог написать «безучастного» нарратива, занять позицию нейтрального наблюдателя. Всеми исследователями нарративы рассматривались как средство формирования национального утверждения или самоутверждения, так что итоговый отчет об исследовании был изъят в 2007 г. из обсуждения ввиду угроз авторам нарративов со стороны представителей враждующих сторон. Хотя отрицательный от прогнозируемого результат полевого исследования, с точки зрения науки, тоже результат. Это подчеркнуло очевидное: нарратив есть гораздо более грозное оружие, чем просто дискурс реальности. Нарратив обладает сюжетом (см.: Ю.Лотман, Х.Уайт), который вынужден служить оправданием целей тех или иных политических сил. Рассмотрим некоторые из таких нарративов.

Сербско-косоварский нарратив

У косоварского нарратива свои собственные начало, дуга, окончание и своя иерархия в перечислении несправедливостей, побед и триумфов.

Сербский нарратив дает иную хронологию событий, их причин и по-другому расставляет нравствен-

ные акценты. Этническая и политическая идеология отыскивается в исторической памяти.

Сербский и косоварский нарративы абсолютно неконвергентны, их объединяет только один исторический факт XIV в. – битва на «поле черных птиц», которая положила на-

---

* О Косово эпохи 1974–1990 гг., об этнических чистках 1991–1995 гг., о хорватско-сербских разборках и мере ответственности хорватского правительства за геноцид сербов и пр.

чало владычеству турок в этом регионе*.

«Нарратив не вызывает политический конфликт, но заставляет эмоции и память служить определенным политическим целям и делает свою работу столь хорошо, что сводит возможность политических компромиссов к нулю»¹. В своем представлении о настоящем оба нарратива исходят только из прошлого, они не отрезали себя от него, они все еще в нем, а в прошлом уже ничего нельзя изменить.

«Но чтобы смотреть из настоящего на прошлое, настоящему приходится вновь и вновь воссоздавать это прошлое, то есть реконструировать и модернизировать его и тем самым неизбежно его фальсифицировать (здесь слово «фальсифицировать» не оценочное; оно означает выявляющееся в ходе раз-

вития науки истории различия между прошлым, как о нем думает данное настоящее, и тем же прошлым в его собственном думанье о самом себе»⁴.

В случае сербско-косоварского конфликта каждый из нарративов объявлял произошедшее насилие исторически «неизбежным», ссылаясь на психологические и социологические основания этого насилия, так сказать, большой длительности.

«Нарративная форма со всей присущей ей символической и трансформирующей реальность силой образовала четкую границу между крупномасштабными национальными целями (однако эмпирически бездоказательными или, как мы часто говорим, «воображаемыми») и личностной идентичностью. «...История становится не рациональным изложением событий прошлого, а формой обвинения, наполненной эмоциями виктимизации и благоговения»¹.

Палестино-израильский нарратив

В 2000–2005 гг. Институтом исследований мира и Ближнего Востока (*PRIME*) был проведен весьма показательный эксперимент. Группа израильских и палестинских историков в целях укрепления взаимопонимания подростков в Израиле и Палестине написали своего рода учебник истории. Слева страницы излагался израильский национальный нарратив, справа – палестинский, а посередине оставлено ме-

сто для заметок учеников. В обоих нарративах были указаны три исторических события: Балфорская декларация, арабо-израильская война 1948–1949 гг. и первая интифада 1987–1993 гг.**

Оба нарратива начинались по-разному. *Израильский* – с идеи сионизма, изложения истории еврейского освободительного движения XIX в., личности Т.Герцля и основанной им Всемирной сионистской орга-

* Решающее сражение с турками, превратившееся в общесербскую драму, произошло летом 1389 г. близ современного города Приштина, в центре тогдашней Сербии, на Косовом поле – межгорной котловине, ныне находящейся на юге Сербии в ее современных границах. С падением Косово вскоре и вся Сербия (1389 г.) полностью была подчинена Турции. В 1459 г. страна была включена в состав Османской империи и таким образом попала под многовековой турецкий гнет, задержавший экономическое, политическое и культурное развитие сербского народа. Ни одно событие сербской истории не оставило такого глубокого скорбного следа, как поражение на Косовом поле.

** Балфорская декларация 2 ноября 1917 г., в которой Англия объявила о твердом намерении создания Еврейского государства на территории Палестины.

низации. Все это было помещено в контекст националистических движений Европы того времени, антисемитизма и пр.

Палестинский нарратив начался со времен Наполеона и его фантастического по тем временам (1799 г.) предложения о создании Еврейского государства. Сионизм представлен как готовый инструмент европейского империализма, а евреи – как сила, предназначенная для захвата и колонизации палестинской земли.

Такое расхождение двух нарративов – это не вопрос расхождения исторических дат, это пример намеренных попыток изменить прочтение истории, по-разному интерпретировать позицию ее главных героев. В израильском нарративе эти герои – евреи как отдельные лидеры, возглавляющие отдельные же экстремистские группы. Они – агенты и проводники своей исторической судьбы, самостоятельные и опасные игроки на определенном

поле конкретного историко-политического пространства.

В палестинском нарративе главные герои – маленький народ Палестины, беззащитная жертва Большой политической интриги, заговора Европы и Сионизма. Евреи здесь не более чем механические инструменты большой разрушительной силы, используемые мастерами мировой политики эпохи квазиимперий. Эти нарративы изначально – националистические, и создать некий объединяющий их нарратив истории народов Ближнего Востока – задача нереальная. Это феномен глубоких политических трансформаций, происходящих в мире постпостмодерна: «понятие территориального соседства (*contiguïté*) наций устаревает, и ему на смену приходит неразделимость (*continuité*) видимого и слышимого, а политические границы реального пространства преобразуются в хронополитические границы деления реального времени»⁵.

Осетино-грузинский нарратив

Внимание к нему было приковано вновь с августа 2008 г., но и до этих событий осетинам не раз приходилось отстаивать не только свое право на настоящее, но и право на свое прошлое, их не раз пытались лишить исторической памяти. Проводником этого процесса выступали власти Грузии, в общественном сознании насаждалась идея национальной исключительности и нетерпимости к негрузинскому населению. В грузинской прессе, в частности в «Вечернем Тбилиси» от 12 сентября 1989 г., «Молодежи Грузии» от 26 сентября 1989 г., «Молодой коммунист» от 30 сентября 1989 г., Юж-

ная Осетия не раз упоминалась как «так называемая Южная Осетия», осетинский народ объявляется «гостем» на грузинской земле. В периодической печати и на митингах грузинских неформалов также часто звучало название «Самачабло» вместо «Юго-Осетия» или «Юго-Осетинская автономная область». Земли, на которых живут осетины, в одночасье превратились в исторические грузинские территории, хотя наукой давно признано, что предки осетин жили на этих территориях с древнейших времен. Тем не менее в 1980 г.³ Гамсахурдиа в парламенте Грузии в речи о принятии Закона о

ликвидации Юго-Осетинской автономной области заявил, что создание «имперской властью незаконных автономий следует рассматривать, как нарушение общепризнанных правовых норм и международное преступление, все это хорошо видно на примере т. н. Юго-Осетинской автономной области», когда историческое Самачабло, Сапалавандо и Ксанское эриставство были объявлены Юго-Осетией, а затем была создана область»⁶.

Осетины – потомки скифо-сармато-алан, но они также и потомки кавказцев – носителей кобанской культуры. Иногда об этом забывают и считают осетин потомками только алан. Осетинский этнос сформировался на Кавказе на основе ираноязычных скифо-сармато-алан, но под мощным влиянием и кавказцев-кобанцев. У кобанской культуры было и свое зарождение, и расцвет, и закат, но закат археологической культуры вовсе не подразумевает исчезновение этноса, носителей этой культуры. По всей вероятности, древние двалы и были носителями кобанской культуры. Во всяком случае, памятники центрального варианта кобанской культуры находятся на территории исторической Двалетии (мы намеренно избегаем названия «Туалгом», потому что современное его содержание намного уже древнего географического понятия. Туалгом теперь только регион в верхнем течении р. Ардон). Поэтому историческая родина осетин – это Центральный Кавказ, а не степи Евразии, как об этом говорят некомпетентные авторы. Если же говорить о древнейших, доисторических прародинах, то можно уйти очень далеко от Кавказа, и не только

к прародине скифо-сармато-алан. Можно говорить о суждении выдающегося грузинского историка И. Джавахишвили о том, что истоки древней грузинской культуры уходят в Переднюю Азию и нечего их искать в Грузии.

«Положение исследователей истории грузинского народа усложняется еще и тем обстоятельством, что Кавказ не является изначальной родиной грузин и остатки их первоначальной культуры не могут быть разыскиваемы здесь»⁷.

Можно упомянуть и В. Котетишвили, писавшего, что «...воспоминания о берегах Евфрата живы в нашей памяти. Нас уничтожали, но не смогли уничтожить. Затем, едва закрепившись на землях Кавкасион, как только не пытались сохранить свое существование...»⁸.

Стараниями грузинской пропаганды в XX в. вдруг стала исчезать Южная Осетия. Вместо наименования «Южная Осетия» предлагались следующие названия: «Шида Картли», «Самачабло», север «Грузии», хотя понятие «Южная Осетия» существовало задолго до образования Юго-Осетинской автономной области. «Южные осетины», так же как и «Южная Осетия», давно закрепились и существуют в исторической и географической традиции. Этими названиями пестрят как официальные документы, так и работы отдельных ученых и путешественников, а также периодика.

Вот названия некоторых статей в периодической печати: «Из Южной Осетии» (газ. «Кавказ». 1873. № 10), «Грамотность в Южной Осетии» (газ. «Тифлисский листок». 1900. № 295), «О женских школах Южной Осетии» (газ. «Новое обозрение», 1903, № 6403), «Южная Осетия» (газ. «Дроеба» 1889, № 77) и т.д. и т.п.

Заметим также, что понятие «южные осетины» неоднократно употребляется в специ-

альном томе «Грузинская ССР» Грузинской советской энциклопедии и Большой советской энциклопедии?».

Одновременно осетинские историки, политики, в широком смысле слова – интеллигенция, основываясь на исторических данных, предлагают другой взгляд на свой этнос.

Например, известный осетинский ученый Ю.С.Гаглойти пишет: «Утверждения отдельных исследователей о том, что появление осетин на территории Южной Осетии относится к позднему средневековью, не соответствует исторической действительности. В грузинских источниках население этого региона (южные склоны Центрального Кавказа от Дарьяльского ущелья до Мамисонского. – Авт.) известно под именем двалов. Эти источники не содержат никаких данных, которые можно было бы трактовать как доказательство их этнического отличия от осетин.

Все письменные источники, а также данные топонимики и фольклора, на основании которых можно судить об этнической принадлежности средневековых двалов, однозначно говорят о их принадлежности к осетинскому этносу. Античные источники называют население этого региона родственным северокавказским скифам и сарматам.

Совокупность всех имеющихся данных свидетельствуют о локализации осетин на южных склонах Центрального Кавказа по меньшей мере с последних веков до н.э. Начало же формирования самой южной ветви осетинского этноса уходит в скифскую эпоху (VII–VI вв. до н.э.)»¹⁰.

Если не было южных осетин, Южной Осетии, то каким образом могли возникнуть понятия «северные осетины», «Северная Осетия», которыми пестрят дореволюционные источники? Могло ли возникнуть понятие «Восточная Грузия», если бы не было «Западной Грузии»?

Осетины не гости на своей земле, а отдельный самостоятельный этнос, сформировавшийся на Кавказе, осе-

тины – один из древнейших кавказских народов.

«Нельзя не вспомнить академика В.Ф.Миллера, по справедливому заключению которого грузины помнили о своих соседях оссах с тех самых пор, как начали помнить самих себя. Осетинский народ – продолжатель традиции создателей кобанской культуры, их наследник, преемник и продолжатель их духовно-культурной и языковой традиции. Лишь этим объясняется тот факт, что осетинский народ является носителем индо-европейской языковой традиции, ее иранской ветви на Кавказе»¹¹.

Важнейшими политическими событиями современной истории народа Южной Осетии стали:

- постановление о преобразовании Юго-Осетинской автономной области в Республику Южная Осетия (20 сентября 1990 г.);

- Акт о государственной независимости РЮО (29 мая 1992 г.);

- постановление о признании независимости РЮО Россией (27 августа 2008 г.).

С точки зрения исторической памяти, эти три документа о соответствующих событиях оцениваются как наиболее значимые для нарративной истории, так как связаны с известным прошлым каждой семьи Южной Осетии. В этой связи очевидна параллель между позицией известного арабского интеллектуала и историка Ахмада Х.Саади.

В своей работе «Катастрофа, память и идентичность: аль-Накба как компонент палестинской идентичности» он подчеркнул, что в переломные моменты жизни нации национальный нарратив начинает конструироваться не только через архивные исследования историков, документы, а через истории отдельных жизней, воспоминания очевидцев, индивидуальную память, исследования известных точек зрения индивидуумов»¹².

Жизнь нации, пережившей исход (палестинская аль-Накба) редуцирована к физической жизни (экзистенциальному времени) каждого его представителя. А жизнь и конечна и коротка. Вопрос времени превращается из абстрактной категории в слишком очевидную (политическую) реальность. Она должна быть зафиксирована в нарративе – историческом, национальном и политическом, – для того чтобы дать возможность выжить своим потомкам и помочь выжить своей нации, стать точкой отсчета, определить будущее страны, приобрести символическую значимость для всего народа, для последующих поколений.

Для Южной Осетии создание самостоятельного государства было единственно верным решением перед угрозой агрессии и этнических чисток со стороны Грузии. В Декларации о Государственном суверенитете Юго-Осетинской Советской Демократической Республики говорится: «Совет народных депутатов Юго-Осетинской автономной области, выражая волю народа Южной Осетии; сознавая ответственность за судьбу осетинской нации; признавая неотъемлемое право осетинского народа на свободное самоопределение... провозглашает: Юго-Осетинскую автономную область Юго-Осетинской Советской Демократической Республикой (ЮОСДР) в составе СССР, государственный суверенитет как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти в границах ее территории, правомочность ее законов, независи-

мость республики во внешних отношениях»¹³.

Решение 1990 г. положило начало созданию нового государства, вслед за которым 29 мая 1992 г. Верховный Совет Республики Южная Осетия принял Акт о государственной независимости Республики Южная Осетия, народ Республики сделал окончательный и единственно верный выбор в пользу независимости своей страны.

«В сложных условиях проходило заседание Верховного Совета. Именно на этот период пришелся пик грузинской агрессии 1989–1992 гг., когда Цхинвал находился на осадном положении, когда с каждым днём усиливалась артиллерийская канонада, и в блокадном городе ежедневно погибали люди. Над народом Южной Осетии нависла угроза физического уничтожения. В тот памятный день, 29 мая 1992 г., Парламент Республики Южная Осетия заседал при чрезвычайных обстоятельствах. Вспоминаются моменты, когда мы, депутаты Верховного Совета, прямо с передовых позиций под пулями снайперов пробирались к Дому Советов, чтобы принять этот исторический документ»¹⁴.

После Указа Президента Российской Федерации от 26 августа 2008 г. «О признании Республики Южная Осетия» для народа РЮО началась новая эпоха. Благополучное существование Республики Южная Осетия в дальнейшем зависит не только от профессиональной политики и дипломатии, призванных обеспечить надежные перспективы государственного строительства, но и от национального духа – исторической памяти и воли народа, способности осмысливать свою историческую миссию и судьбу в современном мире.

Мы рассмотрели только некоторые примеры политических нарративов. Но они показывают, что такой нарратив всегда есть результат определенного дискурса, в нем важно не то, **что** рассказано, (историческая истина – фунда-

мент убедительности нарратива), но и то, **как** рассказано. В этом смысле нарратив как инструмент формирования этнической, национальной, политической идентичности, проводник верований, мнений, принятия решений и выноса суждений зачастую попадает в ловушку слов.

Избежать этой ошибки можно только бережным и добросовестным обращением с исторической памятью своего народа, способностью к переоценке своей исторической культуры, формированием тенденции к объективности во взаимоотношениях с культурами «других». Благодаря этому увеличиваются возможности для признания равноправия, ведь признание негативности в «нас» есть признание позитивности в «других». Это открывает путь к внутренней консолидации нации, к способности государства проводить политический курс, основанный на подлинных национальных интересах.

Примечания

¹ *Partner N. Narrative Persistence // Re-Figuring Hayden White Cultural Memory in the Present* Stanford University Press. 2009. P. 93, 96.

² *Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии (1895)*. СПб., 2005; Giddence A. *Modernity and self-identity*. Stanford (Cal.) Stanford Univ. Press, 1991; *McAdams D.P., Josselson R., Lieblich A.* [eds.]. *Identity and Story: Creating Self in Narrative*. Washington, DC, American Psychological Association, 2006.

³ URL: http://fsi.stanford.edu/events/confronting_the_yugoslav_controversies_can_scholars_make_a_difference

⁴ *Пятигорский А., Алексеев О. Политическая философия*. М., 2008. С. 58.

⁵ *Верилло П. Информационная бомба*. М., 2002. С. 18.

⁶ *Заря Востока*. 1990. 14 декабря.

⁷ *Джавахишвили И. История грузинского народа*. Тбилиси, 1928. С. 47–48.

⁸ *Котетишвили В. Горящий очаг*. 1919. 25 мая // *Советская Осетия*. 1989. 13 ноября.

⁹ *Грузинская Советская энциклопедия*. Тбилиси, 1981. С. 354; БСЭ. М., 1978. Т. 30. С. 337.

¹⁰ *Гаглоиты Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин*. Цхинвал, 1996. С. 56.

¹¹ *Техов Б.В. Осетины – древний народ Кавказа*. Цхинвал, 1993. С. 24.

¹² *Sa'di Ahmad H. Catastrophe, Memory and Identity: Al Nakbah as a Component of Palestinian Identity // Israel Studies*. 2002. № 2. 7.

¹³ *Советская Осетия*. 1990. № 193. 13 октября.

¹⁴ *Медоев Д. На пути к признанию*. М., 2011. С. 50.